

Вячеслав ПЬЕЦУХ. «Горький Горький». «Столица», № 38 (43). 1991;

Лев АННИНСКИЙ. «И литература сделалась мне противна». «Дружба народов», № 4. 1992;

Борис ПАРАМОНОВ. «Горький, белое пятно». «Октябрь», № 5. 1992;

Георгий АДАМОВИЧ. «Максим Горький». «Литературное обозрение», № 5—6. 1992.

Материалы о Горьком продолжают расти, как грибы после дождя. А ведь казалось, что сокрушить этого сталинского идола ничего не стоит; легкий порыв свежего ветра — и гнилое дерево рухнет под собственной тяжестью. И вот: доблестная шестидесятническая атака на Горького завершилась полным поражением — идол как стоял, так и стоит, бросая тень, во всяком случае накрывающую XX век. Мрачный такой, непонятный памятник...

Горький неуничтожим; тут есть какая-то тайна. Можно по косточкам разобрать все им написанное и доказать, как сделал Бунин, что это «плохая литература»; можно ехидствовать по поводу его пресловутой начитанности и сентиментальности; можно к месту и не к месту поминать и Соловки, и Беломорканал, и Союз писателей (а можно — и вещи похуже: например, деятельность института Сперанского по выведению новой человеческой породы — идея, которая особенно занимала Горького в



## Ориентир

последние годы). Но все это будет мимо тайны, и значит — мимо Горького. «Шестидесятники» проскочили мимо Горького. Надеюсь легко сокрушить, обошли стороной. И все еще находят-ся в его гигантской тени.

Оказывается, чтобы судить о Горьком, нужна культура. Его проблема как историко-философская тема будет исчерпана, только когда исчерпает себя проблема гуманизма вообще, который всегда есть вызов человека Богу (любимой книгой Горького была Книга Иова). Это вопрос жизни, а не досужей публицистики. А пока наиболее достойным приближением к теме видятся статьи израильского исследователя М. Агурского, серьезно занимавшегося Горьким в конце жизни. Рядом стоит и работа Бориса Парамонова «Горький, белое пятно». Он предельно четко осветил проблему «культура как усилие» в мировоззрении Горького, восходящую к нищенскому определению культуры через идею **пре-ступления**. «В Горьком, в большевизме взорвалась европеизированная Русь, но этот взрыв был направленный, технически рассчитанным: анархия мотивировалась и прикрывалась жестокой организацией. ...Горький — значителен, его следует помнить».

Чтобы судить о писательском значении Горького только культуры недостаточно. Надо быть **литературным че-**

ловеком и, значит, понимать, что тайна Горького не есть конкретно проблема текста (хорошего или плохого), что, видимо, не случайно этот «плохой писатель» завораживал своим творчеством и судьбой не одни так называемые «массы», но и Блока, Леонида Андреева, Мережковского, Замятина, Ремизова. Лучший критик русской эмиграции Георгий Адамович в 1936 году писал: «Судить Горького, конечно, никто сейчас не вправе. Однако мы вправе сказать, что он всегда претендовал, — и претендовал основательно, — на авторитет не только узкохудожественный, но и моральный, что он был у самой черты духовного величия — и потерпел под конец жизни ужасное крушение... Он сам, со своим умом, со своим чутьем, не мог этого не понимать. Фимиад не мог его одурманить. Он чувствовал, вероятно, что игра проиграна, что развязка ее во всяком случае не соответствует заданию».

Вывод Адамовича жесток: Горького забудут. Это страшная расплата не только за известные поступки и статьи, но — высшая мера наказания за какой-то более глубокий нравственный порок, наложивший печать на все творчество этого **почти** гениального по замыслу человека. Прогноз, высказанный, напомню, в 1936 году (то есть без дистанции), сбился, и Горького действительно забыли. Ну кто, по правде сказать, перечитывал его в последние годы? И вот происходит (и опять — необъяснимо) своего рода «возвращение Горького». Интерес к его судьбе, пусть и скандальный, должен хотя бы отчасти возродить и его прежнюю художественную популярность. Гадать о месте, которое наконец займет Горький в семье русских писателей, наверное, не стоит. Но можно сказать, что это место и будет его «прощением».

В журнале «Столица» Вяч. Пьецух бли-

стательно показал, как не надо писать о Горьком. Если бы это был злобно-танталливый памфлет, бичующий Горького, как у Чирикова, Бунина и Набокова... Если бы это были жесткие и холодные наблюдения, как у Варлама Шаламова... Но нет же, ни то ни се ни рыба ни мясо. Какая-то бледная, необязательная заметка-портрет, написанная с глупым мальчишеским азартом. Изловчившись, Пьецух подпрыгнул, и мрачный истукан получил еще один щелчок по носу. Аплодисменты... Герой позирует перед камерой... Скучно!

В таком контексте не слишком интересным кажется и ответ Льва Аннинского в «Дружбе народов», прежде написавшего о Горьком две весьма любопытные статьи: «Откровение и сокровенное» и «Наши старики». Разве так следовало — чересчур мягко, что ли, — отвечать В. Пьецуху, этому «блестящему литератору поколения Гласности», как его называет (надеюсь, с иронией) сам Аннинский?

А сказать ему можно вот что. «Хороший» или «плохой» писатель Горький, «жарко» от него литературе или «холодно», а только не стоит забывать, что автор «На дне» и «Детства» все же находится в Пантеоне русской литературы. Это звучит хотя и громко, но верно. Ну, пусть не в центре, но на почетном месте. Пусть и в уголке, на краешке стула. Все так. Да только за этот «краешек», за этот «уголок» не жалко сто жизней отдать. Пьецуха-то пока дальше Парижа и выше Останкина никто не приглашал. Невзирая на все его положительные качества и отменное «чувство слова». Увы!

Не в обиду это говорю — в напоминание. Не связывайся не со своим братом.

П. Б.